

М.В. МАСЛОВСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ МОДЕРНА И МОДЕРНИЗАЦИИ

Социологические теории общества модерна обсуждались в отечественной социальной науке в меньшей степени, чем «философский дискурс о модерне» и постмодернистские идеи. В ряде случаев социология модерна отождествлялась с функционалистским направлением в теории модернизации. Между тем, в западной социологии еще в 1960-е гг. сложилось несколько теоретических подходов к анализу процессов модернизации, среди которых наиболее значимыми являлись, наряду с функционализмом, неомарксистская и неовеберовская историческая социология. В 1990-е гг. происходит дальнейший пересмотр ряда положений теории модернизации, связанный с отказом от отождествления модерна с западным обществом и признанием не только возможности различных путей модернизации, но и многообразия типов общества модерна.

Основы теории модернизации были заложены в трудах Т. Парсонса. Однако следует отметить, что еще в начале 1950-х гг., когда была опубликована его работа «Социальная система», Парсонс считал, что разработка общей теории социальных изменений невозможна при существующем уровне развития социологии. Вместо общей теории исторических изменений он предлагал описание отдельных процессов социальной трансформации, а также тезис о том, что направление изменений в современном обществе задавал выявленный М. Вебером процесс рационализации. Но уже к середине 1960-х Парсонс разработал свою собственную неэволюционистскую теорию социальных изменений. При этом американский социолог выдвинул ряд идей, созвучных теории Г. Спенсера, которую он резко критиковал тремя десятилетиями ранее в работе «Структура социального действия» [27, р. 13].

С точки зрения Парсонса, эволюция общества сопровождается процессом структурной дифференциации. В рамках социальной системы постепенно формируются подсистемы, специализирующиеся на исполнении определенных функций. В конечном итоге дифференциация, как правило, усиливает адаптивные возможности системы. Важное место в излагаемой теории занимает понятие эволюционных

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Адрес: 603000 Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7. Телефон: (831) 433-83-49.
Электронная почта: michael@fsn.unn.ru

универсалий. В процессе развития любого общества с необходимостью возникают определенные социальные формы, способствующие лучшей адаптации системы. В качестве универсалий, характерных для всех человеческих обществ, Парсонс рассматривал систему коммуникации, систему родства, религию и технологию. При переходе от первобытного общества к более развитому возникает социальная стратификация, которой сопутствуют определенные формы культурной легитимации. Дальнейшая эволюция общества сопровождается возникновением бюрократического управления, рыночного обмена, системы правовых норм и, наконец, демократической ассоциации.

Формирование современных обществ, по мнению американского социолога, было в значительной степени обусловлено двумя процессами, начавшимися в конце XVIII века: промышленной и демократической революциями. «Эти события в северо-западной части Европы венчали собой главные тенденции начальной модернизации» [7, с. 102]. В XX столетии существенное влияние на социальное развитие оказала революция в образовании, которая способствовала дальнейшему переходу «от наследственно аскриптивной к полностью неаскриптивной стратификации» [7, с. 129].

С точки зрения мыслителя, необходимость в демократическом управлении в развитом индустриальном обществе обусловлена тем, что ни одна другая институциональная форма не позволяет обеспечить консенсус по важнейшим политическим проблемам. Парсонс был убежден, что в долгосрочной перспективе коммунистическая тоталитарная система неспособна конкурировать с западными демократиями. Еще в 1964 г. он говорил о неизбежности движения советской системы в направлении плюралистической демократии и многопартийности, в противном случае советскому обществу грозит резкое замедление темпов развития [8, с. 97].

Высшую ступень в эволюционной схеме Парсонса занимают страны современного Запада. Американский социолог разделяет тезис М. Вебера об исторической уникальности рациональной западной культуры, добавляя к нему утверждение о том, что данная культура обладает «не знающей себе равных адаптивной способностью» [7, с. 12]. При этом образцом общества модерна выступают для Парсонса Соединенные Штаты: «Америка была благоприятной почвой и для промышленной, и для демократической революций, а также для более тесного их соединения, чем это было возможно в Европе» [7, с. 117].

Утверждение о том, что Соединенные Штаты являлись своего рода вершиной социальной эволюции, подверглось критике как со стороны ряда леворадикальных американских социологов, так и со стороны более умеренных европейских исследователей [3, с. 369-370]. Отмечалось, что Парсонс и его последователи «в целом склонны рассматривать развитие одного конкретного общества, а именно Соединенных Штатов, в качестве своеобразного мерила успехов или неудач других

обществ в достижении должного уровня современности. Но когда сравнение с эталоном указывает на сохранение существенных различий, скажем в ценностных ориентациях, религиозной практике или семейных отношениях, конвергенциалисты не выражают готовности отказаться от своей исходной гипотезы или пересмотреть ее. Напротив, они обычно настаивают на том, что она подтвердится, хотя бы когда-нибудь в будущем» [2, с. 142].

В 1960-е гг. в западной социологии сформировались теоретические подходы, альтернативные функционалистской теории модернизации. В числе сравнительно-исторических исследований того периода широкую известность приобрела работа Б. Мура «Социальное происхождение диктатуры и демократии». Автор рассмотрел особенности процесса модернизации в ряде европейских и азиатских стран [24]. Отдельные главы работы посвящены анализу социальных предпосылок буржуазных революций в Англии и Франции, гражданской войны в США, формированию авторитарного режима в Японии накануне второй мировой войны, возникновению коммунистического режима в Китае, становлению демократической формы правления в постколониальной Индии.

Мур считал, что существует три основных пути, ведущих к модернизации: классические буржуазные революции, к числу которых он относил не только английскую революцию середины XVII в. и Великую французскую революцию, но и гражданскую войну 1861-1865 гг. в США; «революции сверху», которые осуществлялись в Германии и Японии государством и которые привели к установлению фашистских диктатур; крестьянские революции в России и Китае, обернувшиеся в конечном итоге формированием коммунистических режимов. В каждом из этих случаев основное внимание Мур уделял взаимоотношениям различных социальных классов, в особенности землевладельцев и крестьянства.

Считается, что Мур разработал «неомарксистский подход, в рамках которого классовые конфликты по-прежнему занимали центральное место, но который отличал более разносторонний и гибкий взгляд на течение таких конфликтов и их возможные результаты» [20, р. 208]. Впрочем, отношение Мура к марксистской традиции было неоднозначным. С одной стороны, социолог разделял характерный для марксизма интерес к анализу классовых отношений и революционных процессов. С другой стороны, он обращал основное внимание на классовый конфликт между землевладельцами и крестьянством, а также рассматривал политические институты общества как играющие самостоятельную роль в ходе модернизации [26, р. 105].

Значение работы Мура состояло, прежде всего, в том, что в ней были поставлены под сомнение некоторые постулаты теории модернизации, преобладавшей в 1950-1960-е гг. Так, он показал, что существовало

несколько различных путей модернизации, охарактеризовал социальные условия, благоприятствовавшие тому или иному направлению. С точки зрения концепции Мура, в модернизации российского общества были испробованы два варианта, и оба отличались от классических западных моделей. В отечественной науке отмечалось, что использование теоретико-методологических принципов Мура, могло бы способствовать большей эффективности российских реформ [5, с. 187].

В 1960-е гг. формируется также неовеберианское направление в исторической социологии. Его ведущий представитель — американский ученый Р. Бендикс, «наиболее значительный “веберианец” своего поколения» [16, р. 31]. Работы Бендикса оказали существенное влияние на рецепцию идей Вебера не только в американской социологии, но и в современной социологии в целом.

Свою теоретическую позицию ученый сформулировал в процессе критики эволюционистских теорий и системного подхода в социологии. Основным объектом критики выступал структурный функционализм. Социолог рассматривал восходящую к функционализму теорию модернизации как модифицированный вариант более ранних эволюционистских теорий. С точки зрения Бендикса, теория Парсонса является слишком общей и абстрактной и потому не может дать адекватного объяснения исторических процессов. Процесс модернизации никогда не был прямолинейным и равномерным, как это представлялось сторонникам функционализма. Бендикс отвергал идею, что все общества в ходе модернизации должны пройти через одни и те же стадии развития. В каждой стране процесс модернизации обладает специфическими чертами, обусловленными историко-культурными особенностями региона. Как резюмирует позицию Бендикса шведский исследователь Р. Тернквист: «Цель развития для многих стран была общей, но средства ее достижения, а с тем и историко-эмпирические пути действия, менялись. Не только экономические процессы шли разным путем и образовывали разные структурные образцы. Политические, социальные и культурные порядки тоже отличались один от другого. Бендикс хочет, чтобы социология вплотную занялась этими различными путями развития и не упустила нюансов и различий при одностороннем подчеркивании схожих черт» [9, с. 276].

Одной из основных причин неравномерного развития обществ Бендикс считал сохранение исторически сложившихся социальных структур, которые даже в кризисных ситуациях оказываются чрезвычайно устойчивыми. Ученый отмечал также то обстоятельство, что масштабные социальные изменения в одной стране оказывают воздействие на другие страны. Причем, каждая страна, вставшая на путь модернизации даже в новой исторической ситуации, если не копировала, то испытывала сильное влияние существующих образцов экономических и политических изменений.

Работы Бендикса нередко рассматривались как пример использования интерпретативного метода в исторической социологии. Для данного подхода характерен подробный анализ уникальных исторических явлений. Они могут сопоставляться друг с другом, что, однако же, не приводит к созданию какой-то общей теории. Причинно-следственные связи выделяются лишь в рамках отдельных случаев, а сравнительный анализ призван определить особые исторические условия, породившие какое-либо социальное явление. С таких позиций Бендикс исследовал изменения властных отношений с периода раннего средневековья до возникновения современных политических режимов [15].

В контексте модернизации Бендикс исследовал как дореволюционное российское общество, так и формирование советской системы. В дальнейшем в неовеберовской исторической социологии предлагались различные точки зрения на характер советского политического режима. Так, немецкий исследователь С. Бройер показал, что понятия веберовской социологии могут успешно использоваться при анализе возникновения советской системы. Динамика советского политического режима может рассматриваться и с позиций неовеберовских концепций, не опирающихся непосредственно на труды Вебера. Примером этого служит сравнительный анализ нацистского и сталинского режимов, осуществленный британским социологом М. Манном [см.: 6].

Начиная с 1980-х гг. в западной социологии сложились новые теоретические подходы к анализу общества модерна. Один из таких подходов представлен в работах Э. Гидденса. Его концепция модерна обсуждалась в отечественной литературе [см.: 10]. Вместе с тем некоторые аспекты данной концепции не получили достаточно подробного рассмотрения. Это относится, например, к предложенному Гидденсом анализу советской системы. Следует отметить, что применимость какой-либо социологической теории для изучения советского общества, разумеется, не является окончательным критерием истинности этой теории, но все же определенным образом ее характеризует.

Согласно Гидденсу, общества модерна существенно отличаются от всех предшествующих человеческих обществ: «Образ жизни, порожденный модерном, полностью отделил нас от всех традиционных форм социального порядка. По своему размаху и интенсивности преобразования, связанные с модерном, являются более глубокими, чем большая часть изменений, характерных для предшествующих периодов» [18, р. 4]. В эпоху модерна изменяется характер основных социальных институтов. Как указывает Гидденс, большинство социологических теорий стремились выявить в обществах модерна какой-то один доминирующий социальный институт. Эти общества рассматривались обычно как капиталистические либо как индустриальные. В свою очередь,

Гидденс определяет капитализм и индустриализм как два различных институциональных измерения модерна, хотя эти измерения и связаны между собой.

На анализ современного капитализма в работах Гидденса повлияла теория миросистемы И. Валлерстайна. В то же время Гидденс подверг критике экономический редукционизм миросистемного подхода [19, р. 161-170]. Для Валлерстайна, считает Гидденс, характерна явно выраженная тенденция преуменьшать воздействие политической и военной сфер на процессы социальных изменений. Как пишет Гидденс, в концепции миросистемы «государства выступают как территориальные подразделения основных секторов мировой экономики, а не как организации, обладающие также иными формами власти и интересами, помимо чисто экономических» [19, р. 168]. Такой подход в ряде случаев оказывается совершенно неприемлемым. Так, по мнению ученого, отнесение СССР к полупериферии миросистемы выглядело просто абсурдным, если учитывать политическую и военную роль советского государства в системе международных отношений [19, р. 28].

Наряду с капитализмом и индустриализмом Гидденс выделяет еще две институциональные оси общества модерна, характерные для национального государства. Административная система такого государства обеспечивает контроль над определенной территорией. Этот контроль зависит от развития функций надзора, существенно усилившихся по сравнению с аналогичными функциями в традиционных обществах. Аппарат надзора образует третье институциональное измерение, связанное с развитием общества модерна. В данном случае Гидденс в значительной степени опирается на концепцию дисциплинарного общества М. Фуко [19, р. 183-187]. Наконец, в качестве четвертого институционального измерения модерна выступает монопольный контроль государственной власти над средствами вооруженного насилия. Британский социолог утверждает, что лишь в период модерна существует реальная монополия государственной власти на средства вооруженного насилия, тогда как в предшествующие исторические эпохи она не могла возникнуть [19, р. 18-19].

Как указывает Гидденс, капиталистическое производство, связанное с индустриализмом, обеспечивает наивысшую степень экономической эффективности. Национальное государство концентрирует административную власть и контролирует средства вооруженного насилия значительно более эффективно, чем предшествующие типы государства. В результате этого происходит распространение капиталистической экономики и системы национальных государств по всему миру. Таким образом, Гидденс рассматривает процесс глобализации как повсеместное распространение тех социальных институтов модерна, которые первоначально сложились в западных обществах. В данной связи отмечалось, что общество модерна «характеризуется

Гидденсом при помощи универсального набора черт, исключаящего множественность и своеобразие региональных «проектов модерна» [10, с. 71].

Обращаясь к характеристике советской системы, Гидденс опирается на теорию тоталитаризма. Парадоксально, что британский социолог, обычно столь чуткий к новым теоретическим веяниям, остановил на ней свой выбор в середине 1980-х гг., когда данная теория подвергалась все более усиливающейся критике со стороны историков «ревизионистского» направления. Хотя Гидденс признает наличие проблем, связанных с использованием тоталитарной модели, он тем не менее считает концепцию тоталитарной диктатуры К. Фридриха вполне адекватной для анализа сталинского режима [19, р. 297]. Вместе с тем Гидденс стремится дополнить тоталитарную модель элементами своего анализа современного национального государства, используя, в частности, концепцию дисциплинарной власти М. Фуко.

С точки зрения Гидденса, тоталитарный режим мог возникнуть лишь в условиях современного национального государства, тогда как в традиционных обществах отсутствовали необходимые для этого условия. «Возможности тоталитарного правления зависят от существования обществ, в которых государство может успешно проникать в повседневную жизнь большинства своего населения. Это, в свою очередь, предполагает высокий уровень надзора» [19, р. 302]. Помимо расширения надзора, важное значение для возникновения тоталитарных режимов имеют, согласно Гидденсу, «возможности полицейских и военизированных формирований использовать технологии индустриализованной войны против невооруженного или плохо вооруженного населения» [19, р. 304]. Угроза применения современных вооружений позволяет добиться более полного контроля над населением, чем это когда-либо было осуществимо в традиционных обществах. Гидденс вновь обращается к примеру советской системы, когда речь заходит о военных аспектах деятельности национального государства. В этой связи британский социолог характеризует милитаризацию советской экономики, начиная с 1930-х гг. [19, р. 239-240]. Кроме того, Гидденс рассматривает положение СССР в рамках глобальной системы национальных государств [19, р. 265-269].

Таким образом, с точки зрения Гидденса, советское общество являлось индустриальным, но не капиталистическим. Институты надзора получили в нем значительное развитие, в особенности в сталинский период. Военная мощь обеспечила советскому государству одну из ведущих позиций в системе международных отношений. В конечном итоге советское общество включало в себя три из четырех институциональных осей модерна. Однако Гидденс не поясняет, могут ли система административного надзора и военная мощь компенсировать отсутствие капиталистической рыночной экономики. С одной стороны,

он отстаивает точку зрения, что общество модерна характеризуется сочетанием всех четырех институциональных измерений. С другой, — выделив капитализм в качестве институциональной оси модерна, Гидденс тем самым фактически вывел советскую систему за рамки общества модерна [25, р. 141]. В конечном итоге вполне можно согласиться с замечанием Й. Арнасона, что постпарсоновские теории модерна, представленные в том числе и работами Гидденса, мало что добавили к пониманию советской системы [13, р. 88].

Проблематика теории модерна подробно обсуждалась в западной социологии в первой половине 90-х гг. В этот период Дж. Александер выделил неомодернизм как новый подход в социологической теории. Как отмечал американский теоретик неофункционализма, в 1990-е г. социология во все большей степени обращалась к анализу глобального распространения рыночной экономики и процессов демократизации. При этом, по мнению Дж. Александера, в определенном смысле происходил возврат к классической теории модернизации [12, р. 29-35]. Одновременно с этим У. Бек, Э. Гидденс и С. Лэш развивали концепцию «рефлексивной модернизации» [14], а П. Вагнер писал о завершении периода «организованного модерна». Вместе с тем в центре внимания этих социологов находились, главным образом, западные общества. Так, П. Вагнер в своей глубокой и содержательной работе уделил обществам реального социализма крайне незначительное место [28, р. 100-104, 138-140].

С конца 1990-х гг. ряд исследователей разрабатывают концепцию «множественности форм модерна» (multiple modernities). Одним из ее основных теоретических источников послужили труды Ш. Эйзенштадта. С деятельностью этого социолога нередко связывают начавшуюся в 1970-е гг. смену парадигм в теории модернизации [4, с. 126-130]. В целом Эйзенштадт ориентировался на функционалистскую теорию. Вместе с тем важное значение для сравнительного анализа цивилизаций, который осуществлял этот ученый, имели идеи М. Вебера [17, р. 391-392]. В момент выхода в свет работы Эйзенштадта «Политические системы империй» (1963) она являлась одним из немногих в то время масштабных сравнительных исследований в сфере исторической макросоциологии. В работе «Революции и преобразование обществ» (1978) основная тема исследования — социальные революции, но анализируются и более широкие процессы изменений в ходе модернизации [см.: 11]. В центре внимания Эйзенштадта находились цивилизации «осевого времени», но он исследовал также существенно отличавшуюся от них японскую цивилизацию.

Идея множественности форм модерна получила распространение на фоне процессов глобализации, охвативших различные сферы общественной жизни, в том числе и сферу культуры. Как отмечает П. Бергер, наблюдается такое явление, как *«альтернативные глобализации»*, то

есть глобальные культурные движения, возникающие за пределами Запада и оказывающие на него все более сильное влияние» [1, с. 19]. По мнению социолога, следует отказаться от представления о том, что другие культуры лишь реагируют на воздействие культурной глобализации, исходящей с Запада. «Альтернативные глобализации означают возможность существования альтернативных моделей современности (modernities)» [1, с. 20].

Концепция множественности форм модерна приобрела немалое число последователей в развивающихся странах. С особым воодушевлением там отвергалась идея о том, что модерн — это исключительно западный проект [23, р. 363]. При этом утверждалось, что модернизация незападных обществ не должна рассматриваться как вестернизация. Кроме того, по мнению некоторых социологов стран Третьего мира, существующая сегодня социальная теория, отражающая западный опыт, неприменима для анализа незападных форм общества модерна.

В этой связи представляет интерес «неевропейская концептуализация модерна», предложенная британским социологом Н. Музелисом. Он констатирует: теории общества модерна — от Парсонса до Гидденса — подвергались критике за европоцентризм. В то же время разного рода ориенталистские и постколониалистские подходы оказались не в состоянии отличить специфически западные черты общества модерна от его универсальных характеристик, что в конечном итоге оборачивалось релятивизмом. Музелис стремится избежать крайностей как европоцентризма преобладавших в 1990-е гг. теорий общества модерна, так и релятивизма критиков вестернизации [25, р. 142]. Необходимо, считает английский социолог, разработать концепцию модерна, которая была бы применима к обществам советского типа, а также к капиталистическим обществам, в которых экономическая сфера занимает подчиненное положение по отношению к религиозным (Иран) либо военно-политическим институтам. Вместе с тем следует четко сформулировать особенности обществ модерна, отличающие такие общества от сложных и дифференцированных социальных систем, существовавших в прошлые исторические эпохи.

С точки зрения Музелиса, в качестве теоретической основы анализа обществ модерна следует взять неозволюционистскую теорию социальных изменений Т. Парсонса. В пользу этого свидетельствует стремление переосмыслить и развить идеи Парсонса, получившее отражение в работах Дж. Александера, Н. Лумана, Р. Мюнха, Ю. Хабермаса, Ш. Эйзенштадта и других теоретиков. Музелис считает возможным дополнить теорию социальной дифференциации Парсонса идеями представителей исторической социологии, таких как Р. Бендикс, Б. Мур, М. Манн [25, р. 144-145]. Впрочем, в данной связи сразу же возникает вопрос, насколько совместимы между собой теоретические подходы

функционализма и неомарксистской либо неовеберинской исторической социологии.

Музелис предлагает пересмотреть некоторые положения теории Парсонса. Как подчеркивает британский социолог, процесс дифференциации социальной системы вполне может привести к такому состоянию, когда один из ее элементов занимает доминирующее положение, причем это не сопровождается возвратом к более примитивной стадии. По мнению Музелиса, идея Парсонса о том, что демократическая политическая система является необходимой для достижения обществом высокой адаптивной способности, далеко не всегда соответствует действительности. Как свидетельствует пример ряда стран Восточной Азии, авторитарные режимы, обеспечивающие высокие темпы экономического роста, могут обладать лучшей адаптивной способностью, чем демократические режимы.

Характеризуя основные черты общества модерна, Музелис указывает, что необходимой предпосылкой возникновения данного типа общества стали научная революция XVII в. и систематическое применение ее достижений в различных сферах социальной жизни. В политической сфере были созданы административные и силовые технологии, позволившие национальному государству сконцентрировать в своих руках налогообложение, средства надзора и военную силу. В экономической сфере решающее значение имела индустриализация, которая могла осуществляться как в условиях господства рынка, так и в рамках плановой экономики. В сфере культуры произошел переход с локального на национальный уровень благодаря развитию системы образования, что во многих случаях сопровождалось распространением националистических идеологий. В социальной сфере функции социального обеспечения перешли от локальных сообществ к централизованному государству, которое обладало соответствующими административными технологиями.

Как полагает Музелис, хотя перечисленные институциональные черты впервые возникли в странах Западной Европы, некоторые характеристики общества модерна можно обнаружить в менее развитой форме в других цивилизациях. Британский социолог приходит к выводу, что формирование общества модерна связано не столько с уникальными культурными элементами западной цивилизации, такими как специфическая профессионально-хозяйственная этика, сколько с сочетанием элементов, не являвшихся уникальными и встречающимися в других обществах [25, р. 151]. С точки зрения Музелиса, в настоящее время не все, а лишь некоторые черты западного модерна действительно приобрели универсальный характер: «если мы проведем различие между специфичными для Запада (например, протестантская этика) и эволюционно универсальными (например, национальное государство) чертами модерна, то можно рассматривать вестернизацию не

в качестве модерна как такового, но в качестве одного из типов модерна» [25, p. 151].

Согласно Музелису, теоретическое описание различных типов общества модерна может основываться на анализе взаимоотношений между дифференцированными институциональными сферами в соответствии с парсоновской схемой AGIL. В соответствии с такой точкой зрения, в западных обществах преобладающее значение имела экономическая подсистема (A), хотя доминирование логики рынка было не столь явно выражено в период 1945-1974 гг. Доминирование политической подсистемы (G) отличало прежде всего общества советского типа, но оно характерно и для ряда развивающихся государств, в том числе некоторых африканских клептократических режимов. Примером модернизации на основе преобладания культурной подсистемы (L) служит развитие Ирана после исламской революции.

В то же время, признает Музелис, процесс модернизации далеко не всегда соответствует указанной схеме. Это в особенности относится к Японии и странам Юго-Восточной Азии. В этих государствах ценности либеральной демократии занимают подчиненное положение по отношению к ценностям традиционной культуры и требованиям конкурентоспособности в экономической сфере. Сложившийся в Японии и формирующийся в некоторых других азиатских государствах тип общества модерна отличается от англо-американской модели, в частности, стремлением обеспечить не быструю максимизацию прибыли, а долгосрочный экономический рост, что достигается гибкой государственной поддержкой отдельных отраслей промышленности. Вполне вероятно, считает Музелис, что в недалеком будущем «полуавторитарный азиатский капитализм может получить преобладание над своим более либеральным англосаксонским конкурентом» [25, p. 153].

Среди сторонников концепции множественности форм модерна преобладает точка зрения, которую следующим образом суммировал шведский социолог Б. Виттрок: «Безусловно, ряд технологических, экономических и политических институтов, зародившихся в условиях Западной Европы, постепенно распространяется по земному шару, по крайней мере в виде идеалов, но иногда и в качестве реально действующих установлений. Однако такие процессы диффузии и адаптации отнюдь не означают, что глубокие культурные и космологические различия, скажем, между Западной Европой, с одной стороны, и Китаем и Японией — с другой, скоро исчезнут. Они означают лишь то, что эти особые культурные единицы должны приспособиться к набору получивших всемирное распространение идей и практик и ссылаться на них. Что же касается ключевых идентичностей, то в данном отношении указанные общества продолжают сохранять те формы, которые были приобретены ими на гораздо более ранних этапах культурной кристаллизации — в осевую эпоху или же в период X–XIII вв. Разумеется, в

рамках самих этих центральных идентичностей постоянно идет процесс изменения и переосмысления, но они по-прежнему структурируют наиболее глубинные космологические и социетальные основания своих цивилизаций, и было бы крайне наивно полагать, будто сегодня они вдруг оказались на грани исчезновения» [2, с. 156].

Общества советского типа также рассматривались с позиций концепции множественности форм модерна. Как отмечает Й. Арнасон, с окончанием «холодной войны» в западной социальной науке проявилась тенденция расценивать коммунистические режимы как анти-модернистские или псевдомодернистские. Однако есть все основания характеризовать коммунизм как особый тип общества модерна [13, р. 61]. Одной из основных стратегических целей коммунистических режимов выступала ускоренная индустриализация, хотя она и осуществлялась с опорой на устаревшие модели промышленного развития. В политической сфере в обществах советского типа произошло организационное и технологическое усиление государственной власти. В числе наиболее значительных достижений коммунистических режимов многие исследователи называют модернизацию системы образования. В то же время господство в обществе идеологии, представлявшей собой разновидность «светской религии», оказывало негативное влияние на сферу образования и науки, поскольку идеология «ограничивала роль рефлексивности в общественной жизни» [13, р. 68].

Арнасон характеризует несколько путей развития в рамках коммунистической системы. Особое внимание он уделяет сопоставлению советской и китайской моделей, подчеркивая, что общая оценка коммунизма как всемирно-исторического явления до сих пор основывалась главным образом на анализе советского и восточно-европейского опыта. Китайская модель коммунизма в меньшей степени стала объектом теоретического анализа. В настоящее время цивилизационная динамика Китая по-прежнему ставит серьезные проблемы перед западной социальной теорией [13, р. 85].

Следует упомянуть также новый подход к анализу советской системы, получивший развитие с середины 1990-х гг. в работах ряда американских историков, в частности, С. Коткина [22]. В связи с этим говорилось даже о формировании новой парадигмы, противостоящей как теории тоталитаризма, так и ревизионистской социальной истории 1980-х гг. [21, р. 166-167]. Последователи этого направления рассматривают советскую систему как особый тип общества модерна и особую цивилизацию.

В целом проблема множественности форм модерна широко обсуждается в современной теоретической социологии. В настоящее время один из наиболее влиятельных подходов к анализу проблемы опирается на сравнительные исследования цивилизаций Ш. Эйзенштадта. Вместе с тем большим теоретическим потенциалом обладает модифицированный

вариант теории социальной дифференциации Т. Парсонса. Весьма перспективно обращение с этой целью к неовеберовской исторической социологии. Теоретические дискуссии по проблеме множественности форм модерна представляют несомненный интерес и для отечественной социальной науки, в частности, для анализа советской системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 8-24.
2. Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. 2002. № 1. С. 141-159.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.
4. Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998.
5. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998.
6. Масловский М.В. Исследования советского общества в неовеберовской исторической социологии // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 5-14.
7. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
8. Парсонс Т. Эволюционные универсалии в обществе. Демократическая ассоциация // Масловский М.В. Социология политики: классические и современные теории. М.: Новый учебник, 2004. С. 93-97.
9. Тернквист Р. Историко-эмпирическая социология // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992. С. 260-303.
10. Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 44-73.
11. Эйзенштадт Ш. Революции и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
12. Alexander J. Fin de siecle social theory. London: Verso, 1995.
13. Arnason J. Communism and modernity // Multiple modernities / Ed. by S. Eisenstadt. London: Transaction Publications, 2002. P. 61-90.
14. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Cambridge: Polity Press, 1994.
15. Bendix R. Kings or people: Power and the mandate to rule. Berkeley: University of California Press, 1980.
16. Caldwell R. Between Scylla and Charybdis: Reinhard Bendix on theory, concepts and comparison in Max Weber's historical sociology // History of the Human Sciences. 2002. Vol. 15. № 3. P. 25-51.
17. Delanty G. An interview with S.N. Eisenstadt. Pluralism and the multiple forms of modernity // European Journal of Social Theory. 2004. Vol. 7. № 3. P. 391-404.

18. *Giddens A.* The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
19. *Giddens A.* The nation-state and violence. Cambridge: Polity Press, 1985.
20. *Goldstone J.* Theory development in the study of revolutions // New directions in contemporary sociological theory / Ed. by J. Berger and M. Zelditch. New York: Rowman and Littlefield, 2002. P. 194-226.
21. *Hedin A.* Stalinism as a civilization: new perspectives on communist regimes // Political Studies Review. 2004. Vol. 2. № 2. P. 166-184.
22. *Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.
23. *Lee R.* Reinventing modernity: Reflexive modernization vs liquid modernity vs multiple modernities // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9. № 3. P. 355-368.
24. *Moore B.* Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. Harmondsworth: Peregrine Books, 1969.
25. *Mouzelis N.* Modernity: A non-European conceptualization // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50. № 1. P. 141-159.
26. *Pogg G.* Theories of state formation // The Blackwell companion to political sociology / Ed. by K. Nash and A. Scott. Oxford: Blackwell, 2004. P. 95-106.
27. *Smith D.* The rise of historical sociology. Cambridge: Polity Press, 1991.
28. *Wagner P.* A sociology of modernity: Liberty and discipline. London: Routledge, 1994.